

— Хочешь подписать с ним? — выпалил Сяо Жофэй.

Гу Чуньлай смотрел на него, но не мог вымолвить ни слова.

Через неделю после Праздника середины осени съёмочная группа завершила чтение сценария.

До начала съёмок оставалась ровно неделя.

Гу Чуньлай получил роль в спешке, и многое осталось неподготовленным, что вызывало у него беспокойство. Ведь перед съёмками «Двух городов» он полгода учился стрелять, занимался боевыми искусствами и даже вождением, и на съёмках ни разу не использовал дублёра.

Но, как говорится, когда корабль доходит до моста, если он не прямой, нужно найти способ его выпрямить.

Чжоу Сяоча много лет играл женские роли в труппе «Чаннань», и со временем в нём появились необычные черты. В жизни Гу Чуньлая женщин было мало, и он не знал, как точно передать их поведение, поэтому каждый день надевал высокие каблуки и юбки на занятия по пластике, а дома учил текст в тех же каблуках. Сяо Жофэй иногда интересовался подготовкой главного героя, но в ответ слышал только: «Девушкам тяжело», «Кто придумал эти античеловеческие каблуки», «Чжоу Сяоча — гений, я им восхищаюсь».

К счастью, перед началом съёмок Гу Чуньлай прочитал сценарий десятки раз, написал анализ роли, выучил все реплики и почти все реплики партнёров, а также научился уверенно ходить на каблуках.

Накануне съёмок вся группа отправилась в город Байшуй, в 300 километрах к северу от Цзинчэна, где должны были проходить основные съёмки.

Это место напоминало городок Цинхэ, где разворачивалась история, и часть районов сохранила облик прошлых десятилетий. В последние годы здесь снимали множество фильмов, действие которых происходило в 80-х и 90-х годах, поэтому старые заводы и жилые кварталы были сохранены и превращены в съёмочную площадку.

Их отель располагался на территории съёмочной площадки и был переоборудован из общежития текстильной фабрики. Здание было старым, с простыми удобствами, но безопасность была на высоте. В холле дежурил охранник, на каждом этаже и у лифтов были камеры, а группа арендовала целое здание, так что посторонние не могли войти.

Комната Гу Чуньлая находилась на первом этаже, это был двухместный номер с двумя кроватями, письменным столом, чайником и холодильником. Всё выглядело просто, и комната казалась больше.

Он вошёл, бросил вещи на кровать и, смеясь, сказал соседу:

— В этом здании, кроме отсутствия разделения по полу, всё как в студенческом общежитии.

Сосед, Чжан Ичэн, усмехнулся:

— Учитель Гу, ваше общежитие в университете было таким? Совсем скромно.

— Будь благодарен. У нас было четыре человека в комнате, меньше, чем здесь, столы внизу,

кровати наверху, без ванной и туалета. Зимой приходилось бежать в общую баню. Это было испытание.

Когда-то Гу Чуньлай и Бай Яньнань жили в комнате 520 первого общежития, а Сяо Жофэй — в 525. Восемь человек из двух комнат часто вместе ходили в душ зимой, чтобы согреться. Сяо Жофэй, боясь, что кто-то увидит шрамы на спине Гу Чуньлая, всегда стоял к нему спиной, что вызывало насмешки товарищей, называвших их сиамскими близнецами. Сяо Жофэй, не сдаваясь, тащил Бай Яньнаня, чтобы прикрыться, а сам, как герой мультфильма, размахивал своим «достоинством», чтобы подразнить друзей.

Вспоминая это, Гу Чуньлай не мог сдержать улыбку. Он огляделся, убедился, что вокруг никого нет, и подозвал Чжан Ичэна поближе, чтобы рассказать ему о «забавных историях» Сяо Жофэя.

Гу Чуньлай так увлёкся рассказом, что не заметил, как лицо Чжан Ичэна вдруг застыло, словно его заставили рекламировать ненавистный бренд под дулом пистолета.

— Ичэн, что случилось? — он помахал рукой перед его лицом.

— Вот почему я всё время чихал. Оказывается, здесь кто-то меня вспоминает.

Гу Чуньлай обернулся и увидел, что сам глава компании «Цаньсин» стоит за его спиной, скрестив руки. За спиной Сяо Жофэя была дверь, а за окном горел закат, озаряя его голову и спину, словно поджигая сердце своим лёгким смехом.

— Я просто рассказывал Ичэну о ваших великих подвигах, — Гу Чуньлай прищурился, словно боясь, что кто-то разгадает его секрет.

Сяо Жофэй с фальшивой улыбкой сел рядом с Чжан Ичэном, обнял его за плечи и заставил смотреть на себя:

— Ичэн, тебе не интересно узнать о героических подвигах твоего учителя Гу?

Чжан Ичэн замотал головой, как маятник.

Сяо Жофэй, не обращая внимания, продолжил:

— Твой учитель Гу — упрямый осёл. Когда я снимал свой проект, мне нужен был кадр с падающими листьями. Зимой, ветки голые, откуда листья? Я сказал, что сделаю их на монтаже. Но твой учитель Гу целую неделю твердил мне, что монтаж — это нереально, и настаивал на съёмках. Я его проигнорировал. И что же? Он провёл больше 12 часов в снегу, чтобы снять один лист!

Гу Чуньлай не остался в долгу.

— Ты смеёшься? Ичэн, не слушай его. Он просто тупой, как кирпич. У меня был период, когда я курил из-за стресса, но я всегда скрывался, чтобы не давать другим дышать дымом. Но твой брат Фэй не давал мне покоя, однажды он преследовал меня по всему кампусу, и в конце концов зажал сигарету рукой. У него до сих пор есть чёрное пятно на ладони.

— Ичэн, подожди, ещё...

Чжан Ичэн слушал, как они перебрасываются «забавными историями» друг о друге, и

чувствовал, что что-то не так.

С одной стороны — начальник, с другой — сосед, с которым предстоит жить ближайшие два месяца. К тому же Сяо Жофэй поручил ему временно стать ассистентом Гу Чуньлая до конца съёмки, обещая тройную зарплату.

Хотя ему и не нужны были эти деньги... подумал Чжан Ичэн.

Но ему нравился его учитель Гу, потому что он был интересным, надёжным и мог справиться с Сяо Жофэем. Сяо Жофэй, с его многолетним опытом в индустрии, был мастером слова, и обычно никто не мог его переубедить, только злился или сдавался. Но Гу Чуньлай мог. Даже если он не выигрывал спор, он мог заставить Сяо Жофэя замолчать, не злясь, что было просто чудом.

Но если он не хотел, чтобы Сяо Жофэй замолчал... они могли спорить до бесконечности.

И вот, они продолжали болтать от заката до сумерек, а Чжан Ичэн всё ещё не знал, зачем пришёл Сяо Жофэй. Боясь пропустить что-то важное, он несколько раз повторил:

— Брат Фэй, зачем ты пришёл?

Пока тот не обратил на него внимание.

— Ах, да. Я пришёл сообщить вам. Сейчас свободное время, а в 9:30 собираемся в холле.

Чжан Ичэн достал телефон и увидел, что это уже было объявлено в групповом чате.

Гу Чуньлай не обратил внимания. Он смотрел на Сяо Жофэя и спрашивал:

— Куда?

— Молиться Будде.

В 60 километрах к северо-востоку от Байшуя находилась гора Цаннань, а на ней храм Янчжун. Храм был обычным, с угасающим культом, но после создания съёмочной площадки в Байшуе все фильмы стали начинать с молитвы здесь. Совпадение или нет, но все громкие и влиятельные фильмы тех лет снимались в Байшуе, так что храм стал считаться местом, благословляющим кинематограф. В индустрии ходили слухи, что если перед началом съёмок посетить это место, то всё пройдёт гладко, а фильм станет хитом. А если помолиться перед экзаменами, то обязательно поступишь.

Группа прибыла в храм около десяти вечера.

На парковке было мало машин, торговцы уже ушли, только в храме горели благовония, и белый дым поднимался в небо, к милосердному Будде.

Сяо Жофэй не особо верил в молитвы. Он молился перед каждым фильмом, но всегда случались мелкие неприятности, а в итоге одни фильмы становились хитами, другие — нет, но все приносили прибыль.

Он верил, что если сделать всё возможное, то судьба позаботится об остальном.

Но, видимо, храм Янчжун был слишком известен своей силой, и после коллективной молитвы многие захотели остаться и помолиться за своё будущее.

<http://bllate.org/book/15563/1415615>